

«ИЗВЕСТНО. — писал П. Е. Щеголев, — что Пушкин, отдавая в печать свои стихи, всегда стремился уничтожить все намеки, которые могли бы помочь добраться до действительности». Это утверждение ученого-пушкиниста можно с полным основанием отнести и к нескольким строкам из IV песни «Руслана и Людмилы», исключенным автором из текста поэмы при втором ее издании в 1828 году.

Какие же реалии читались в них?

Перелистаем страницы жизни Пушкина. Декабрь 1818 года... Александр Сергеевич живет в доме родителей на окраине Петербурга, в Старой Коломне... Дни его наполнены светской суетой, встречами с друзьями, легкомысленными и краткими сердечными увлечениями, участием в литературных вечерах, театром, творчеством. Причем последнему он, пожалуй, менее всего уделяет внимания. За весь год написано всего лишь около двадцати стихотворений, среди которых в основном эпиграммы, мелкие наброски. Урывками работал поэт и над «Русланом».

«Сверчок (арзамасское прозвище Пушкина. — Б. М.), — сообщает Александр Тургенев 18 декабря Петру Вяземскому в Варшаву, — прыгает по бульвару... Стихи: он и свои едва писать успевает. Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы».

А в Коломне в эти дни только и разговоров о том, что одну из первых петербургских красавиц, девятнадцатилетнюю соседку его, милую Катрин Буткевич, просватали за старикашку миллионера. Ему же уже за семьдесят! Тургенев рассказывает, что на обеде у жениха только и разговору было, что о предстоящей свадьбе. И не стесняется развратник старый. Ведь он же, в сущности, просто купил Катюшу, как девушку крепостную. В конце января, говорят, венчаются... Вот тебе и Валериан Стройновский!

А что он знает о нем? Ну, старик, граф, сенатор, миллионер, живет тут же рядом, в Коломне... Что еще?

...За окном зимнее петербургское утро. Пушкин лежит на постели... Рядом стол, на нем — книги, бумага. Он стремительно пишет, зачеркивает, кусает огрызок пера и снова пишет:

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Мужьям, девицам молодым
Их замыслы не так ужасны...
Все к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных.
Пророчит, издает журнал! —
Дела достойные похвал!

Это вступление к четвертой песне «Руслана и Людмилы». Таким оно было в первом издании поэмы летом 1820 года. Ни черновых, ни беловых автографов этого отрывка не сохранилось, и мы не знаем его вариантов, возможно, отражавших оттенки искрометной и злой иронии поэта, спрятанной за шутивно-легким бегом стиха. «Колдун» — здесь это не просто какая-то абстракция, ведь Пушкин всегда предельно конкретен. Скорее всего, это — старик граф Стройновский. Такое предположение, конечно, требует доказательства. Попробуем же найти их...

Обратимся к письмам Тургенева к Вяземскому, относящимся к концу 1818 года, и прокомментируем их.

2 октября. «У Жуковского — субботы, и стекается множество празднующихся авторов и литераторов...» (С осени этого года Жуковский жил в Коломне у «арзамасца» А. А. Плещеева, рядом с Пушкиным, Буткевичами и Стройновским. Здесь у Василия Андреевича постоянно бывали Тургеневы, Дельвиг, Баратынский и другие друзья Пушкина. Здесь Александр Сергеевич читал отрывками «Руслана».)

23 октября. «Письмо твое, милый друг... получил исправно вчера и вчера же... отдал Карамзину, с которым обедал у Козодавлева» (Осип Петрович Козодавлев — министр внутренних дел, близкий знакомый графа Стройновского.)

12 ноября. «Если успею допишу письмо завтра. Теперь голова кружится, а желудок ворчит от нетерпения и готовясь на польский обед к Стройновскому». (Тургенев говорит о предстоящем обеде мимоходом, но для нас это свидетельство общения людей из ближайшего окружения Пушкина со Стройновским.)

3 декабря. «Книгу о магнетизме постараюсь отыскать и прислать к тебе. Мне подарил ее автор. Пушкин уже на четвертой песне своей поэмы, которая будет иметь всего шесть». (Разговор идет о книге «Животный магнетиззм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании». СПб. 1818 год.)

Оставим пока письма Тургенева и скажем несколько строк о Стройновском. Граф Валериан Венедиктович Стремений-

Прообраз карлы Черномора За строкой «Руслана и Людмилы»

Стройновский, графства Гороховского помещик и польских орденов Белого Орла и Св. Станислава кавалер, как он сам себя представлял в своих книгах, родился в 1747 году. Владелец обширных имений в Прикарпатской Украине. Получил блестящее европейское образование. Тонкий ценитель и знаток искусства. Был доктором права и медицины. После 1812 года — сенатор от Межевого департамента, действительный тайный советник. Автор напечатанной книги «О условиях помещиков с крестьянами» (Вильно, 1809 г.) и «Всобщей экономии народов»... Ч. 1—4 (СПб. 1817 г.). Отставлен от дел в начале 1820-х годов. Умер в 1834 году.

Племянник Е. А. Стройновской Н. Маевский писал, что, будучи смолоду красавцем и обладателем миллионного состояния, граф пользовался громадным успехом у женщин. Поклонником и ценителем женской красоты он оставался до конца дней своих. Имея медицинское образование, он в старости считал себя великим врачом-практиком и пытался лечить всех и каждого. Друзья, знакомые и родственники должны были выслушивать его длинные консультации и делать вид, что пользуются его рецептами. Отдал Стройновский, видимо, и дань увлечению магнетизмом. Успех книги Велланского вполне мог подвигнуть престарелого эскулапа на лечение этим методом своих петербургских знакомых, особенно женского пола:

...теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
Или девушек худых и бледных...

Книги Стройновского, конечно, были известны Пушкину, ибо в ближайшем окружении поэта, начиная с братьев Тургеневых и кончая Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым, они вызвали горячую полемику. Стройновский призывал к освобождению крестьян от крепостного рабства, но без права собственности на землю. Он пророчествовал, что иначе Россия все больше будет отставать в своем развитии от Запада и ей не избежать тогда народных волнений и бунтов.

Реформы, предлагаемые Стройновским, вызвали панический страх у таких монастырей, как попечитель Московского университета П. И. Голицынов-Кутузов, которому даже Карамзин казался якобинцем, потому что превозносил книгу «О условиях помещиков с крестьянами». Но, скорее всего, прав был Н. М. Лонгинов, иронически называвший автора «поборником свободы русских крестьян и величайшим тираном крестьян собственных», поскольку он, владец многих тысяч душ, так и не перевел их в «свободные хлебопашцы». Точку в этих спорах поставил Александр I, написавший: «...В упомянутой книге ничего похожего всем вашим опасениям я не нашел». И, как считали современники, именно за эту книгу произвел Стройновского в сенаторы...

С 1815 по 1820 год в Петербурге выходил журнал «Дух журналов». Его редактором был Г. М. Яценко, который при издании журнала пользовался содействием (скорее всего — финансовым) «почтенных особ», пожелавших остаться неизвестными. Освещая разные стороны общественной жизни, журнал придерживался консервативного направления, но отдавал дань и модным тогда либеральным течениям. «Дух журналов» поддерживал школу физиократов, активным сторонником и пропагандистом которой был Стройновский. В крестьянском вопросе журнал стоял на крепостнических позициях. А статья некоего Правдина, ратовавшего за перевод всех оброчных крестьян на барщину, фактически повторяла положения Стройновского. Все это позволяло предположить, что одной из «почтенных особ» был граф Валериан Венедиктович. И, быть может, зная об этом, Пушкин иронически сказал:

Пророчит, издает журнал —
Дела достойные похвал!

Думается, что эти строки были написаны поэтом в ноябре 1818 года, когда, вероятно, состоялась или была объявлена помолвка Стройновского с Катенькой Буткевич, вызвавшая широкий скандально-насмешливый резонанс в светских салонах Петербурга и бесконечные сплетни и пересуды коломенских обыва-

телей. Но Пушкин, видимо, до последнего дня, до самой свадьбы не верил, что это все-таки произойдет...

Однако он наступает, этот день...

В метрической книге Покровской, что в Большой Коломне, церкви 29 января 1819 года появляется запись: «Господин тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер граф Валериан Стройновский венчался с дочерью г. генерал-лейтенанта Александра Дмитриевича Буткевича девицей Екатериной Александровной. Жених вдов, а невеста девица». Поручителями были министр внутренних дел Осип Петрович Козодавлев, сенатор и кавалер Павел Пущин...

Что можно сказать о поручителях?

Со стороны жениха им, конечно, был О. П. Козодавлев.

А по невесте, скорее всего, был Павел Петрович Пущин. Жил он через дом от Буткевичей, за углом, по Большой Садовой. Родным братом ему приходился Иван Петрович — отец друзей Пушкина — декабристов Ивана и Михаила Пущиных.

Мы не располагаем какими-либо документальными материалами или свидетельствами о подробностях этого венчания, но по запискам Маевского можно предположить, что в церкви и на свадебном обеде, кроме поручителей, могли быть: семья Буткевичей, их сосед генерал-лейтенант Ивелич с семейством, граф Д. И. Хвостов и его двоюродный брат А. С. Хвостов, старшая дочь А. Д. Буткевича (от первого брака) — Варвара. С мужем Александром Ивановичем Татищевым, который через несколько лет будет председателем Верховного суда над декабристами... Вполне возможно, что со стороны жениха на обеде был и А. И. Тургенев. Могли быть и родители Александра Сергеевича. Но, конечно, были и многие другие — свадьба была «эпохальным» событием в размеренной и скудной жизни петербургской Коломны...

Проходят первые две недели «медового» месяца молодых...

12 февраля Тургенев пишет Вяземскому: «Пушкин слез: старое пристало к новому и пришлось ему опять за поэму приниматься».

Быть может, тогда и были написаны заключительные строфы IV песни поэмы, изъятые при втором издании поэмы:

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой
Младые прелести Людмилы:
К ее пленительным устам
Прильнуть увядшими устами,
Он, вопреки своим годам,
Уж мыслит холодными трудами
Сорвать сей нежный, тайный цвет,
Хранимый Лелем для другого;
Уже... но бремя поздних лет
Тяжчит бесстыдника сего —
Стоная, дряхлый чародей
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой упадет;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но вдруг раздался рога звон...

Тургенев — Вяземскому 19 февраля: «...Пушкина не видал еще, но он должен быть неприступен» (выделено мной. — Б. М.).

В литературе о Пушкине не удалось найти комментария к этой фразе А. И. Тургенева. Ее трудно понять иначе, как характеристику мрачного настроения Пушкина, его нежелания общаться с кем-либо.

Что могло быть поводом к такому настроению? На основании чего Тургенев считает, что «он должен быть неприступен»? На что он намекает?

П. А. Вяземскому, бывшему в конце января того года в Петербурге, видимо, был понятен смысл этого намека своего корреспондента.

5 марта. «Пушкин уже на ногах и идет в военную службу».

12 марта. «Пушкин, которого вчера видел у княгини Голицыной, написал несколько прекрасных стихов... Он не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною».

Вяземский — Тургеневу 24 марта

«Пришли Пушкина стихи. Я думаю, что он ни хорошо, ни худо не делает, вступая в военную службу. Ему нужно волнение и сотрясение: пускай... По крайней мере фрянок* не будет».

Из этих строк опять же следует, что Вяземский знал причину мрачного настроения Пушкина в те дни.

Эти фрагменты писем отражают вторую, после бессильного негодования и отчаяния, столь естественную молодости реакцию на поправленную любовь — уехать, забыть, погибнуть от пули, стать героем... Ведь Пушкину всего двадцать лет!

Сопоставляя даты писем Тургенева, венчания Стройновского, болезни Пушкина, создания им четвертой песни поэмы и принимая нашу гипотезу об его увлечении Екатериной Буткевич в 1817—1819 годах, можно смело усматривать в обоих приведенных отрывках поэмы личное отношение поэта к, возможно, драматическому для него событию — фактической продаже его возлюбленной старику Стройновскому. С присущей Пушкину уже в те годы блестящей и острой иронией он осмеивает ненавистного ему соперника еще до свадьбы. Когда же она свершается, он уже откровенно, с беспощадностью молодости издевается над старческой немощью жениха. Здесь он бескомпромиссен в своей насмешке, в своем страстном негодовании. Возможным возражением на наше предположение о биографических реалиях этих строк может быть следующее. В критических статьях и разборах «Руслана и Людмилы» наряду с признанным влиянием на поэму рыцарских романов и русских былинных сказок в статье В. Сиповского «Руслан и Людмила» (к литературной истории поэмы) есть объяснение беспомощности всеильного Черномора перед плененной им Людмилой. Оказывается, согласно одному из старинных поверий, «чародей и волшебники «любовью» могли наслаждаться только тогда, когда она им давалась добровольно: над любовью бессильна была их наука». Думается, что такое объяснение не только не противоречит нашему предположению, но, напротив, подкрепляет его. Надежно прикрываясь этим поверьем, Пушкин предельно реалистично изобразил элементарную житейскую трагедию семидесятилетнего новобрачного. Здесь у него нет ни слова, ни намека на сказочную неизбежность сюжетной ситуации.

Пушкин не уехал, не стал военным, не сражался в горах Кавказа. В середине июня 1819 года он простудился и снова заболел, а по выздоровлению уехал к отцу в деревню. Но перед отъездом, где-то в конце июня, он написал стихотворение «Дорида»:

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые...
Вчера, друзей моих оставя

...пир ночной...
...но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был
...таинственной печали.
И имя чуждое уста мои шептали.

В вариантах этих строк, связанных, как принято считать, с именем легкомысленной петербургской дамы полусвета Ольги Массон, читаем:

...В ее объятиях забылся я душой...
Темноволосую я видел красоту...
И кудри черные и черные ресницы...
Другой мне чудились знакомые черты...

Со слов Маевского, как и на ее портрете, мы видим Стройновскую темноволосой с синими (голубыми) глазами.

Стихотворение появилось в печати в феврале 1820 года, еще до ссылки Пушкина на юг. Можно считать, что своими последними строками и вариантами к ним оно как бы открывает тот широко известный цикл лирики поэта, отражающий его «таинственную северную любовь» — загадку, так и не разгаданную пушкинистами.

Прошло восемь лет. В 1828 году поэма «Руслан и Людмила» вышла в свет вторым тиснением. Кроме указанных, Пушкиным — по разным причинам — был изъят из нее еще ряд строк, в том числе и те, что, возможно, также таили в себе отголоски прежних тревожных смятений его души:

Руслан, не знаешь ты мученья
Люви, отверженной навеки.
Увы! ты не сносил презренья.

Время подлечило сердечные раны, сгладило остроту переживаний. Да и критики шумели о безнравственности отдельных строк поэмы. Всеми полузабытый восьмидесятилетний граф, окруженный вниманием и заботой тридцатилетней супруги, доживал в глуши имения свои последние годы. Уже далеким прошлым был для Пушкина 1819 год. Теперь, создавая Онегину, он все пристальней всматривался в знакомые ему черты Татьяны, видел в ее судьбе судьбу Екатерины Стройновской...

Борис МАТВЕЕВСКИЙ

* Фрянок, то есть важных особ женского пола (см. В. Дала).